

Социальные практики и их роль в современном обществе

Аннотация

В статье рассматривается феномен социальных практик и особенности их проявления в различных сферах жизнедеятельности людей. Анализируются различные методологии исследования социальных практик в мировой и отечественной социологии.

Концептуализация понятия социальных практик рассматривается в теориях структуралистского конструктивизма П.Бурдьё, структуризации Э.Гидденса, этнометодологии Г.Гарфинкеля. В качестве основы изучения социальных практик выделяются теории деятельности (в социологической интерпретации — концепции социального действия) — М.Вебера и Т.Парсонса, теории повседневности Э.Гидденса, И.Гоффмана, Э.Гуссерля, Т.Лукмана, А.Шюца и др.). На основе деятельностного подхода выявляются различные формы социально-культурных практик, которые не выделены из повседневности и связаны с каждодневным человеческим существованием. Социальные практики имеют пространственно-временную локализацию и могут различаться в зависимости от исторического периода, культурных особенностей страны или региона, государственного устройства, географического расположения.

Ключевые слова: *общество, социальные институты, социальные практики, социальная деятельность, повседневность, социальная группа, индивид*

Исследование социальных практик и особенностей их проявления в повседневной жизнедеятельности людей актуально в современной социологии. Толкование категории “социальная практика” в научной литературе неоднозначно, и прежде чем приступить к таким исследованиям, необходимо рассмотреть, каким образом и на основе каких методов можно изучать мир повседневности. Цель данной статьи — рассмотреть различные методологии исследования феномена социальных практик в мировой социологии.

Как самостоятельный феномен социальные практики изучаются со второй половины XX века, но интерес к ним имеет глубокие корни и научную традицию в зарубежной и отечественной социологии. Теорию социальных практик развивали классики социологии — П.Бергер, П.Бурдьё, М.Вебер, Г.Гарфинкель, Э.Гидденс, И.Гоффман, Т.Лукман, Т.Парсонс, А.Шюц и др. Они рассматривали повседневную жизнь как процесс, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Концептуализации понятия социальных практик посвящены теории, разработанные в рамках структуралистского конструктивизма П.Бурдьё, структурализации Э.Гидденса, этнометодологии Г.Гарфинкеля.

В современных источниках феномен социальных практик описывается как: 1) совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности или действие “по привычке”, следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; 2) форма социальной активности, процесс-деятельность, которая носит преобразующий социальный характер; 3) функция-деятельность, направленная на приобретение позитивного социального опыта и реального действия в обществе; 4) частные социальные институты (технологии реализации).

Понятие “практика” (с греческого — “действенный”) определяется как общественная, чувственно-предметная деятельность людей, направленная на познание и преобразование мира, создание материальных и духовных ценностей. В практической деятельности человек создает новую реальность — мир человеческой культуры, то есть формирует новые искусственные условия своего существования. По содержанию практика имеет общественный характер, поэтому приобрела статус социально-деятельностного явления. К основным видам практической деятельности человека относят:

- материальное производство;
- социально-политическую деятельность;
- научный эксперимент.

Поскольку первичным элементом социальной практики является действие, методологической основой изучения социальных практик является теория деятельности (в социологической интерпретации — концепции социального действия).

Понятием деятельности определяется специфика общественной жизни людей, которая состоит в том, что они целенаправленно преобразуют природную и социальную действительность. Деятельность имеет различные виды и формы, носителем деятельности является ее субъект, имеющий определенные цели преобразования объективной действительности и осуществляющий это целенаправленное преобразование.

Одним из первых понятие социального действия ввел в научный оборот М.Вебер, который описывал его как всегда преднамеренный комплекс поступков (действие, которое является осмысленным, определяется заранее поставленной целью и имеет соответствующие формы выражения). По предполагаемому индивидом или группой смыслу социальное действие соотносится с действием других людей (групп) и ориентируется на него. Важнейшей особенностью социологического анализа является определение смыслов поступков и субъективного начала. Исходя из этого, М.Вебер разработал четыре идеальных типа поведения: целерациональное, ценностно-

рациональное, традиционное и аффективное, из которых первые два типа являются объектом изучения социологии. В роли субъектов социальных действий могут выступать как индивиды, так и социальные группы. Субъекты в своих действиях ориентируются на ожидания других субъектов и возможные ответные действия [Вебер, 1990].

Дальнейшее развитие идеи М.Вебера получили в работе Т.Парсонса “Структура социального действия”. Акт действия Парсонс рассматривал “как единицу с точки зрения определенной системы координат” [Парсонс, 2000: с. 94] и выделил ряд факторов его осуществления: актор, цель деятельности, социальная ситуация и нормативная система (зависит от общепринятых ценностей и норм). Система действий есть структурированный набор единичных актов. В структуре социального действия американский социолог выделял субъект, объект действия, средства (методы) достижения цели, результат (ответная реакция тех, на кого было направлено действие). Модель системы социального действия при этом включает различные подсистемы:

- социальную (интеграция действий индивидов);
- культурную (образцы действий, принципы (правила) выбора целей, ценностей);
- личностную (индивидуальные особенности актора);
- органическую (взаимодействие актора со средой).

Социальная практика основательно проанализирована в трудах французского социолога П.Бурдьё. Практика — это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире, она возможна при условии интериоризации социальных структур агентами.

П.Бурдьё вводит категорию габитуса как “системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие практики и представления...” [Бурдьё, 2001: с. 102]. Габитус представляет собой важнейший элемент в формировании социальных идентичностей, функционирует как матрица восприятия, мышления, практик и способен обновляться в целях социальной адаптации личности.

Практика имеет двойное основание: 1) существуют объективные структуры, воздействующие на практики; 2) социальные агенты могут влиять на социальную действительность через практики, трансформируя структуры.

Понять, что есть габитус, можно только при условии соотнесения социальных условий, в которых он формировался с социальными условиями, в которых он был “приведен в действие”, то есть посредством практики и в практике.

Практические группы создаются посредством выполнения особого рода функций, для которых они мобилизуются, и сохраняются благодаря тому, что постоянно поддерживаются комплексной работой (частью которой являются матримониальные обмены), а также благодаря тому, что “они основаны на той общности диспозиций (габитус) и интересов, что формирует неделимость материального и символического состояния” [Бурдьё, 2001: с. 329].

Закономерным следствием прогрессирующего разделения практик является возникновение социально-культурных полей. Поле характеризуется: 1) автономией — относительной независимостью функционирования от

внешних принуждений; 2) способностью к переопределению всех внешних воздействий в соответствии с собственной логикой; 3) формами взаимодействия агентов, чьи позиции в поле должны рассматриваться только во взаимных отношениях (капиталы, власть, влияние, материальная и символическая прибыль и т. д.) [Социоанализ, 2001: с. 37–39].

В социально-философских теориях повседневности (Э.Гидденс, И.Гоффман, Э.Гуссерль, Т.Лукман, А.Шюц и др.) исследователи обращаются к той сфере социального бытия, которая порождает различные “низовые” формы социально-культурных практик, связанных с каждодневным человеческим существованием.

Согласно Э.Гуссерлю, основателю идеи “жизненного мира”, называемого им также “миром повседневности”, субъект живет в наивно-естественной непосредственной установке (культурно-исторической), основа которой — мир опыта живого деятельного субъекта. Суть человечества Гуссерль видел в человеческом бытии, связывающем различные поколения людей, объединенные между собой социально. Совершенство он описывал исключительно в практическом смысле, как то, что полностью способно удовлетворить специальные практические интересы. При этом Гуссерль отмечал, что при существующей постоянной смене интересов, то, что кажется полностью удовлетворительным для одного, для другого человека таковым не является, причем устанавливается определенная граница возможностей. Например, в условиях технического прогресса идеал совершенства (возможность выпрямить прямую, сделать более ровной плоскость) отодвигается все дальше, благодаря чему человечество имеет открытый горизонт возможного улучшения.

Реальная практика — это то, что осуществляется в действии или подразумевает эмпирические возможности. Она складывается в длительном процессе истории и социализируется на основе привычно используемых средств. Например, достижения культуры, возникающие благодаря человеческому труду; они объективно познаваемы и используются так, что нет смысла вновь эксплицировать смысл их создания (язык, письменность и т.д.). Вещи чувственно воспринимаемого мира (Гуссерль их описывал так, как они воспринимаются в повседневной жизни и оцениваются как действительность) обладают привычностью, сохраняясь в типичных (схожих) друг с другом обстоятельствах. “Практика — это эмпирически воспринимаемый нами мир, обладающий общим эмпирическим стилем”. Особую роль в идеализации физического мира из неопределенных, всеобщих форм в его пространственно-временной оформленности он отводил математике, которая создала объективный мир в подлинном смысле слова (бесконечную тотальность идеальных предметностей, определяемых методически и для любого человека однозначно). “Бесконечность предметов... данных лишь в неопределенных, всеобщих представлениях, объективно определяема лишь благодаря априорному всеохватывающему методу и мыслима как действительно определенная сама по себе”. Гуссерль описывал возможность конструирования бесконечности в своем объективно истинном бытии-самом-по-себе с помощью не просто постулируемого, но действительно созданного, воспроизводимого метода. По сути, в своем известном произведении “Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология”, немецкий социолог описывал социальные практики как реально существующий процесс, отражающий устойчивые явления в социуме на основе воспроизводимого метода [Гуссерль, 2004].

Гуссерль преимущественно описывал опыт изолированного субъекта, в то время как некоторые его последователи (А.Шюц, П.Бергер, Т.Лукман) рассматривали повседневность как социальную конструкцию, формируемую обществом в конкретно-исторический период. Объекты социальной практики — различные способы жизнедеятельности людей. Эти способы определяют место больших групп в обществе, их интересы и характер взаимодействия с другими социальными группами.

В структуре повседневности А.Шюц выделяет типичные ситуации, типичные личности, типичные мотивы и т.д., которые представляют совокупность культурных моделей, используемых повседневными деятелями.

Главная форма практики — активная трудовая деятельность людей, ориентированная на преобразование внешнего мира. Социальные практики вместе с обществом проходят исторический путь развития и включены в систему взаимоотношений людей: с одной стороны, они создаются человеческой деятельностью, с другой — регулируют эту деятельность.

Различные формы социальных практик могут институционализироваться, становясь устойчивыми социально-нормативными в общественной жизни, другая их часть остается за рамками социальных и культурных норм, формируя протестные, контркультурные проявления социальной активности — революции, войны и т.д. Соответственно, социальные практики могут способствовать формированию новых идентичностей и позволяют человеку гибко реагировать на социальные изменения, приобретая новый опыт.

По мнению английского социолога Э.Гидденса, социальная практика не создается социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводится ими и обладает такими свойствами, как упорядоченность, преемственность и потребность. Социальные потребности существуют в форме причинных факторов и участвуют в социальном воспроизводстве, но только будучи осознанными в этом своем качестве теми, кто вовлечен в данный процесс и действует в соответствии с ними. Воспроизводство социальных практик свидетельствует о стабильности социальной системы. "...В контексте институционального анализа, — пишет Гидденс, — структуральные свойства рассматриваются как постоянно воспроизводимые признаки социальных систем". В ходе социологического анализа фокусом исследования должны быть "способы, руководствуясь которыми, акторы используют структуральные свойства в процессе установления социальных отношений" [Гидденс, 2005: с. 392]. Гидденс считает, что институционализированные свойства среды взаимодействия являются методологически заданными, или предполагаемыми, порождаются и воспроизводятся посредством человеческой деятельности.

Поэтому Гидденс предлагает рассматривать социальную реальность сквозь призму воспроизводящихся социальных практик. При этом анализ стратегического поведения должен, по мнению социолога, исходить из следующих основополагающих принципов: "необходимости избегать упрощенных трактовок присущей субъектам деятельности способности познавать; научно обоснованного подхода к мотивации; интерпретации диалектики контроля" [Гидденс, 2005: с. 393].

Значимой идеей Э.Гидденса является идея дуальности структуры, существующей вне времени и пространства. Понятие дуальности структуры, составляющее основу теории структуриации, связано с многими значения-

ми, приписываемыми терминам “условия” и “последствия” деятельности. Она (дуальность) проявляется в памяти индивидов в виде “отпечатков” социальной практики и имеет свойство регулярно воспроизводить наборы правил и ресурсов. Задача исследователя, по мнению английского социолога, — попытаться понять, “как практики, поддерживаемые в данном диапазоне контекстов, выстраиваются в более широкие диапазоны времени и пространства, и предпринять попытку проанализировать, как они соотносятся с институционализированными практиками” [Гидденс, 2005: с. 404]. Переход от анализа стратегического поведения к исследованию дуальности структуры, согласно Гидденсу, может осуществляться в определенном направлении, схематически представленном на рисунке (институциональный анализ осуществляется в обратном направлении — на рисунке стрелка, направленная вверх).

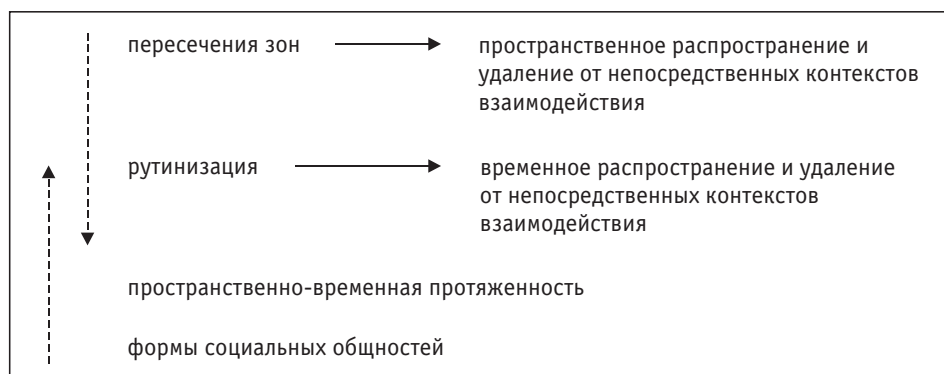


Рис. Схема исследования дуальности структуры Э. Гидденса

Смещение акцентов и уход от анализа ситуативных действий стратегически расположенных акторов подразумевает изучение:

- 1) связей, существующих между регионализацией контекстов их деятельности и более широкими формами регионализации;
- 2) стабильности их действий во времени — в какой мере они воспроизводят общепринятые и освященные временем практики или аспекты практик;
- 3) форм пространственно-временной протяженности, связывающих анализируемые отношения и действия с особенностями и свойствами обществ как таковых или с интерсоциетальными системами [Гидденс, 2005: с. 405].

Социальные практики имеют пространственно-временную локализацию и могут быть различными в зависимости от исторического периода, культурных особенностей страны или региона, государственного устройства, географического расположения. Индивид на протяжении своей жизни может использовать как формальные, так и неформальные социальные практики в рамках одного института, социальных статусов и ролей. Практики в этом случае — это отдельные социальные образования, определяющие условия существования социальных институтов и позволяющие им воспроизводиться в новых условиях. Например, социальный институт религии, имеющий конкретную форму воспроизводства — религиозные практики —

всю совокупность действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, религиозным самосознанием, опытом и взаимодействием с религией. Быт верующих различных конфессий и функционирование различных религиозных культов отражают не декларативную, а практическую сторону религии, что позволяет выявить реальную картину религиозной жизни современных обществ. На эти методологические особенности изучения обращают внимание российский и французский исследователи — А.Агаджанян и К.Русселе, по мнению которых “в исследованиях современных религий и религиозности в России есть определенный изъян. В этих исследованиях преобладает анализ институтов и норм, а также их правового регулирования и политических импликаций, но в них недостает живого, конкретного, непосредственного материала, изучения *lived religion, religion vecue*” [Религиозные практики, 2006: с. 5]. Соответственно, важнейшие типы религиозности — мотивации ее носителей, их реакции на новые и быстро меняющиеся общественные условия, то, как религия встроена в структуру общественных отношений и другие аспекты, предлагается изучать более пристально — с позиций микросоциологии и антропологии. Отсюда сфокусированность российских исследователей на религиозных практиках на повседневном уровне.

Религиозные практики в сфере повседневности активно исследуются российскими и белорусскими учеными — В.Бобровниковым, Б.Дубиным, А.Львовым, Н.Митрохиным, С.Мышепудом, Л.Новиковой, А.Панченко, К.Сергазиной, О.Сибиревой, П.Чистяковым и др.

Религиозные практики определяются и со статической позиции — как вся совокупность интерпретаций и действий индивидов, связанных с религией, и с динамической, более сложной — как явление, противоположное жесткой и установленной системе религиозных текстов, норм и институтов, — “герменевтический процесс” переосмысления и корректирования. А.Агаджанян и К.Русселе подчеркивают, что религиозные практики не следует смешивать со всей совокупностью различных социально-культурных практик, в которых отсутствует осознанная религиозность субъектов действия. Динамичный характер “практик” позволяет отрешиться от понимания их как механического производного от нормативных текстов и институтов [Религиозные практики, 2006].

Религиозные практики рассматриваются также в рамках народной религии или народной религиозности, которая противопоставляется элитарной религии — хранительнице чистоты нормы, за которую ответственны официальные или канонические институты. Народная религия описывается как пространство экспериментов, где нормативное приходит в соприкосновение с эмотивным, и характеризуется высокой эмоциональностью и драматизмом, а также доминированием религиозности женщин.

Религиозные практики, во-первых, включают обряды (ритуалы) — реально совершаемые действия, имеющие свои отличительные особенности в рамках определенной конфессии; во-вторых, могут означать деятельность, лишённую четкой повторяемости, однако имеющую религиозный смысл (чтение религиозной литературы, посещение святых мест, лекций на религиозную тематику и т.д.). Поэтому понятие “религиозные практики” шире понятия “обрядовая деятельность”, однако религиозные практики отличаются от других форм социальных практик наличием религиозной заданности.

Методика измерения религиозности в современной социологии основывается на выявлении основных показателей включенности индивидов в религиозную практику. Американские социологи Ч.Глок и Р.Старк предлагают исследовать религиозность на основе изучения:

- религиозного опыта;
- религиозной веры;
- особенностей культа;
- знания религии;
- влияния религиозных мотивов на поведение индивидов.

Российские ученые-религиоведы — Н.Баскакова, В.Веремчук, Р.Лункин, М.Мчедлов, С.Филатов, В.Чеснокова, И.Яблоков и др. — в качестве основных критериев религиозности выделяют:

- содержание и уровень религиозного сознания индивидов (религиозные представления, интенсивность веры, информированность о вероучении);
- религиозное поведение (соблюдение обрядов, участие в деятельности религиозных организаций) через фиксацию культовых и внекультовых действий.

Не менее важным представляется изучение вопроса о роли религиозной самоидентификации в структуре религиозности. Религиозная самоидентификация — это определенная мировоззренческая и идеологическая позиция, позволяющая индивидам относить себя к определенной конфессии на основе культурных традиций или мировоззренческого выбора. В то же время религиозная самоидентификация не всегда предполагает соблюдение индивидами соответствующих религиозных практик и следование установленным нормам и правилам в рамках конкретной религии. Об этом свидетельствуют результаты социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2012 году ($N = 2107$).

Большинство населения Беларуси (94,7%) относит себя к одной из конфессий: православию — 83,9%, католицизму — 7,6%, протестантизму — 0,5%, христианству в целом — 1,9%, исламу — 0,2%, иудаизму — 0,2%; другие варианты ответов составляют 0,4%. Не считают себя приверженцами религий 4,8% участников опроса, не дали ответа 0,5%. В тройке лидеров — православные, католики, а также лица, не принадлежащие к каким-либо религиозным объединениям. Несмотря на то, что многие идентифицируют себя с определенными религиозными взглядами и учениями, полученные данные свидетельствуют о пассивном участии большинства опрошенных в культовой практике. Так, на вопрос анкеты “Как часто Вы принимаете участие в религиозных обрядах?” лишь 1,3% респондентов ответили, что участвуют в обрядовой практике ежедневно, 4,6% — еженедельно, 6,9% — один-два раза в месяц, 28,7% — несколько раз в год, 27,5% — один-два раза в год. Доля лиц, отметивших вариант ответа “никогда”, составила 17,0%, затруднились ответить на данный вопрос 13,2%.

Примечательно, что подобная ситуация характерна не только для Беларуси, но и для России, а также других стран. По данным отдела социально-политических исследований “Левада-Центр”, исследующего роль Русской православной церкви (РПЦ) в жизни российского общества, по частоте посещения храмов и включенности в жизнь церкви Россия занимает по-

следнее, 15-е место среди исследованных стран. Так, в ФРГ, Словакии, Болгарии не вовлечены в деятельность церкви (помимо участия в службах) 20% верующих, в США и Швеции — 30%, во Франции — 40%, в Великобритании и Польше — 45%. Раз в месяц посещают церковь 35% верующих в США и Словакии, 30% — в ФРГ, каждый четвертый из верующих — в Болгарии и Швеции, а в России — только 3% [Редичкина, 2012].

Религиозные практики могут выступать как явление (внутри определенного религиозного комплекса), противопоставляемое жесткой регламентации текстов и подлежащее прикладному корректированию и воспроизводству в новой интерпретации со стороны субъектов практики. В частности, это касается молитвенной практики, имеющей отличительные особенности в рамках одной из мировых религий — христианства — в таких его направлениях, как православие и протестантизм. Отличия проявляются в форме внешнего и устного (молитва) выражения своего обращения к Богу. Внешнее выражение проявляется в том, что православные христиане во время молитвы применяют крестное знамение, поклоны, коленопреклонения, священники используют поднятие рук. В протестантизме применяют специальные молитвенные позы: опущенная голова, закрытые глаза, сложенные ладонь в ладонь руки.

Словесная молитва в православии и католичестве представляет собой устное обращение к Богу в форме разработанных и освященных церковью словесных формулировок (после прочтения текста молитвы верующий может добавить свои просьбы и восхваления). В протестантизме форма молитвы и порядок произнесения слов в тексте второстепенны. Каждая служба — это творческое выступление пастора перед прихожанами, в котором наряду с обращением к Богу нередко затрагиваются важные социальные проблемы. Смысл нормативных текстов опосредован практикой и поэтому бесконечно варьирует. Протестантская молитва имеет форму импровизации, так как, согласно учению, должна способствовать самовыражению личности и подчеркивать интимность обращения к Всевышнему. Вместе с тем молиться нужно четко и ясно, не перегружая свое обращение просьбами и эгоистическими помыслами.

Независимо от того, в каком направлении и в какой форме верующий выражает свои чувства, молитвенная и обрядовая практики способствуют формированию религиозного самосознания, закреплению соответствующих религиозных представлений и укреплению веры.

Помимо религиозных практик можно выделить другие формы социальных практик: образовательные, научные, повседневные, каждая из которых подразделяется на различные подвиды. Например, социальная практика в сфере образования и молодежной политики широко использует социальное проектирование — технологию, представляющую собой конструктивную, творческую деятельность, направленную на социальное воспитание в образовательных учреждениях. К данному типу социальных практик относят также различные виды социальной работы и иную деятельность.

К научным социальным практикам относят исследования, направленные на решение социально-практических проблем, ориентированные на практическое применение знаний, полученных в фундаментальных науках: прикладная социология, прикладная статистика, прикладная информатика и т.д.

К повседневным социальным практикам относится деятельность людей в рамках различных институтов или организаций. Повседневность является структурным компонентом человеческого опыта, но повседневные практики не выступают в форме проектов или программ. Это то, что можно ограничить, но не избежать полностью. Окружающие объекты и действительность могут восприниматься как данность, но не идеал. При этом повседневные практики отражают основные способы социального и бытового существования в данной культуре и в данный период. Повседневные практики выступают определенным знанием о том, как следует поступать для достижения определенных целей в конкретной ситуации. Так, человек усваивает и воспроизводит стереотипы, нормы и схемы поведения в социуме. Здесь повседневные практики могут дифференцироваться на различные виды: практика по созданию и поддержанию определенного образа, практика дружбы, практика управления (нормативная модель бюрократии) и т.д.

Таким образом, социальные практики — это совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей и организаций; они обеспечивают устойчивое функционирование социальных институтов и характеризуются массовостью, воспроизводимостью, устойчивостью и нормативностью.

В современном обществе типичные формы социально-культурных практик видоизменяются, наполняясь новым содержанием, способствуют формированию новых идентичностей, что позволяет индивидам гибко реагировать на социальные изменения и открываться новому социальному опыту.

Источники

Бурдьё П. Практический смысл / П.Бурдьё; пер. с фр. А.Т.Бикбова [и др.]; общ. ред. и послесл. Н.А.Шматко. — СПб., 2001. — 562 с.

Вебер М. Основные социологические понятия / М.Вебер // Избранные произведения. — М., 1990. — 808 с.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э.Гидденс. — М., 2005. — 528 с.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э.Гуссерль; пер. с нем. Д.В.Скляднева. — СПб., 2004. — 398 с.

Парсонс Т. Структура социального действия / Т.Парсонс // О структуре социального действия. — М., 2000. — 800 с.

Редичкина О. Отношение к вере аналогично отношению к государству [Электронный ресурс] / О.Редичкина // Деловой журнал РБК. — 2012. — Режим доступа: <http://magazine.rbc.ru/2012/08/20/trends/562949984506862.shtml>.

Религиозные практики в современной России : Сб. научных трудов; сост. А.Агаджанян, К.Русселе. — М., 2006. — 640 с.

Социоанализ Пьера Бурдьё // Альманах российско-французского центра социологии и филологии Ин-та социологии РАН / Отв. ред. Н.А. Шматко. — М.; СПб., 2001. — 304 с.